

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ АНТОЩЕНКО

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ant@petsu.ru

РАЗМЫШЛЕНИЯ Г. П. ФЕДОТОВА О ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Рассматривается процесс историзации восприятия Февральской революции 1917 года в России выдающимся историком-эмигрантом, который был очевидцем и участником революционных событий в российской столице. Ситуационные и отрывочные свидетельства, сохранившиеся в его письмах того времени, стали основой для исторического нарратива, представляющего революцию как стихийный процесс разрушения старого порядка, завершившийся приходом к власти большевиков. В таком образе представляемой истории не находилось места для февральских событий как имеющих особое значение. Только поиск историком символического смысла Февральской революции придал ей значение знака борьбы за свободу. В конечном итоге интерпретация революционных событий февраля 1917 года стала для Г. П. Федотова средством идейной борьбы с большевизмом и пропаганды необходимости возрождения гражданских свобод в Советском Союзе. Последнее обстоятельство позволило автору сделать вывод о политизации исторических представлений историка-эмигранта.

Ключевые слова: Г. П. Федотов, Февральская революция, сталинизм

Наступивший год воспринимается в нашей стране, да и во всем мире, как год столетней годовщины революционных событий в России, повлекших за собой значимые изменения ее государственного и общественного устройства. Как и всякая юбилейная дата, она вызывает повышенный интерес к историческому событию, которое вновь оказалось в центре внимания. Независимо от характера его оценок интерпретаторы настаивают на объективности своих представлений о свершившемся прошлом. Основанием для таких притязаний служит его отдаленность и завершенность во времени. Однако современное понимание сути исторического познания заставляет усомниться в так интерпретируемом объективизме. Увы, отдаленность и завершенность исторических процессов или событий во времени не может быть гарантом объективности суждений о них. Скорее, каждый важный этап в последующем развитии создает новую перспективу восприятия прошлого, изменяя субъективную интерпретацию произошедшего. В противном случае оно теряет всякий смысл и утрачивает всякое значение. Особенно отчетливо это заметно при обращении к изменению восприятий тех, кто сам был свидетелем или участником значимых событий и пытался впоследствии определить их смысл и значение.

В этой статье будет рассмотрено изменение восприятия начального этапа революционных событий 1917 года известным эмигрантским историком и публицистом Георгием Петровичем Федотовым (1886–1951), творчество которого в последнее время стало предметом пристального внимания отечественных и зарубежных

исследователей. В связи с изучением данной тематики среди многочисленных публикаций следует отметить работы Л. А. Гаман, в которых она исследует взгляды историка на революцию и советскую историю [1], [2]. Исследовательница верно подметила, что Г. П. Федотов характеризовал революцию как длящееся событие, что влияло на изменение оценок ее характера и значения в зависимости от того, как воспринимались бывшим революционером, сохранившим верность своим социалистическим идеалам, преобразования, происходившие в советской России. В отличие от работ Л. А. Гаман, сосредоточившей свои усилия на целостной реконструкции историко-философской интерпретации революции и ее последствий эмигрантским историком, автор данной статьи предполагает вычленить и детально изучить лишь один аспект: восприятие и осмысление Февральской революции, которую, по свидетельству его жены, Георгий Петрович «принял без восторженных иллюзий, скорее со страхом, так как за февралем он провидел лик октября» [11: XI]. Следует сразу отметить, что только в первой части это утверждение было точно, тогда как в последней оно являлось вполне очевидной оценкой *post eventum*, данной с учетом более поздних характеристик историком произошедшего в трагический для России 1917 год. Однако и эти характеристики существенно изменились с течением времени, придав с середины 1930-х годов совершенно иной облик Февралю в историко-публицистическом творчестве Г. П. Федотова.

Таким образом, в статье будут рассмотрены процесс и причины изменения восприятия

Г. П. Федотовым первого этапа революции в ходе исторической меморизации событий 1917 года. Непосредственные впечатления о революционных событиях в столице разваливавшейся Российской империи зафиксированы в его письмах Т. Ю. Дмитриевой, с которой он состоял в переписке почти пятнадцать лет – с 1905 по 1920 год. Обращение к ряду статей историка, появившихся уже после его эмиграции из Советской России во Францию в 1925 году, позволит определить, как эти впечатления превращались в историческое повествование, раскрывающее значение произошедшего как революции и дающее ей вполне определенные оценки. В заключительной части статьи будут определены причины изменения восприятия событий 1917 года и проанализирована их итоговая характеристика, данная в период, когда после начала Второй мировой войны историк оказался в США.

Начало 1917 года Г. П. Федотов встретил в Петрограде, где он работал «вольнотруждающимся» в историческом отделении императорской Публичной библиотеки и был «допущен к чтению лекций и ведению практических занятий» на историко-филологическом факультете столичного университета с весеннего семестра наступившего нового года. Сведений о его непосредственных впечатлениях о случившемся в Петрограде в феврале 1917 года не сохранилось. Лишь в пасхальной открытке, направленной 5 апреля 1917 года (здесь и далее даты приводятся по юлианскому календарю) Т. Ю. Дмитриевой, он отмечал, что среди представителей высшей бюрократии (а среди их общих знакомых была семья выходца из Саратова члена особого присутствия Государственного совета С. Б. Враских) «настроение стоит не контрреволюционное» и замечен «интерес к съезду Советов рабочих депутатов и к товарищу Стеклову» [10: 203]. О положении в городе Г. П. Федотов заметил: «На праздники митингов поменьше стало, хотя в понедельник я ходил на Охту. Там опять был взрыв с человеческими жертвами (6 человек)» [10: 203].

Отдавая дань революционным увлечениям молодости, когда в годы Первой русской революции он активно участвовал в нелегальной деятельности большевистской организации саратовских социал-демократов в 1905–1906 годах и даже был избран в состав их городского комитета, Г. П. Федотов вновь включился в пропагандистскую работу в 1917 году. Правда, теперь его можно было бы охарактеризовать как социалиста-оборонца, что определило его отношение к факту возвращения В. И. Ленина в Россию. Так случилось, что Георгий Петрович стал свидетелем встречи вождя большевиков на Финляндском вокзале. «“Изменника” встретили с воинскими почестями (солдаты, офицеры, бронированный автомобиль, оркестр и т. д.). Он призывал к социалистической революции, окруженный штыками. Удивительная Россия» [10: 203].

Оценивая значение ленинских апрельских тезисов, Г. П. Федотов замечал, что «Ленин хотя и изолировал себя в Совете депутатов, но в массах его лозунги имеют успех» [10: 203]. И все же он считал в конце апреля, что «ленинцы не страшны» и даже «обезврежены, кажется, вполне» [10: 204]. Георгий Петровича больше тревожило, с одной стороны, положение в деревне, а с другой – «растущая вражда к Англии». «Сердце беспокойно, – писал он о личных настроениях, – живешь в вечной тревоге. Эти переходы от надежды к отчаянию отнимают все силы. Ах, кабы мир поскорее. А тогда пусть горят усадьбы, пусть стреляют в Петрограде. Не страшно» [10: 203–204].

Поскольку он уже давно не занимался «аграрным вопросом», по которому охотно высказывался в годы Первой русской революции, постольку в своих многочисленных выступлениях на многолюдных митингах и в ряде лекций в Лутыгинском университете сосредоточил внимание именно на вопросах войны. Его выступления были тогда же опубликованы в виде брошюры «Война и ее происхождение».

Г. П. Федотов выделял три важнейших ряда причин войны: экономические, национальные и политические. Первый из них определялся им в марксистском ключе, как империалистическое стремление «к мировому господству или власти над территориями чужих стран ради хозяйственных выгод» [3: 81]. Однако вина в большей степени переносилась Г. П. Федотовым на «захватнический империализм» Германии и Италии, которому противостоял «охранительный, консервативный империализм» Англии и Франции. Второй ряд причин представляла нерешенность национальных проблем, порожденных XIX веком. И здесь симпатии Георгия Петровича были на стороне Франции, вступившей в войну для решения эльзас-лотарингского вопроса. Наконец, третий ряд причин крылся в политической отсталости России и милитаризме Германии. Главное обвинение выдвигалось против последнего, ибо мнение о сознательном провоцировании войны Россией летом 1914 года признавалось ошибочным. Однако начало войны и втягивание в нее все новых участников усиливало империалистические устремления всех стран, в том числе и Антанты.

Недоверие Г. П. Федотова к Временному правительству было вызвано внешней политикой П. Н. Милюкова. Его известная нота, подтверждавшая верность России союзническим обязательствам, по мнению Георгия Петровича, едва не спровоцировала гражданскую войну. «Много тяжелых часов пришлось здесь пережить, когда едва-едва не разразилась гражданская война, – писал он Т. Ю. Дмитриевой 25 апреля 1917 года. – Пролившаяся кровь произвела сильное отрезвляющее впечатление. Люди стали спокойнее,

но посеяна рознь между рабочими и частью солдат» [10: 205]. Внешней политике первого кабинета Временного правительства Г. П. Федотов противопоставлял последовательное проведение лозунга «мир без аннексий и контрибуций на основе права народностей на самоопределение» [3: 96]. Однако это не означало его приверженности трактовке этого лозунга большевиками, чьи взгляды и деятельность он считал изменческими. Георгий Петрович полагал, что наиболее эффективным средством покончить с войной является социальная революция, но способом ее реализации должно было стать не «насильственное восстание», а «революция в сознании, действительно моральное торжество пролетариата и проведение им в жизнь идей социализма» [3: 95]. Среди ведущих идей, которые должны утвердиться в сознании пролетариата, Г. П. Федотов отмечал идею интернационализма. Призыв к миру, однако, не означал необходимости его немедленного заключения, ибо ситуация была более выгодной для «германского кайзеризма». Пока он не будет уничтожен, возможности справедливого и прочного мира остаются призрачными. Вывод Г. П. Федотова о необходимости вести войну до победного конца звучал парадоксально: «...социализм, войну отрицающий, должен еще продолжать ее для осуществления своих идеалов. Это – трагическое противоречие, но путь истории всегда есть путь трагический» [3: 100].

События в Петрограде в начале июля он пропустил, так как был в отпуске в родном Саратове. По возвращении в столицу с малой родины в самом конце июля он заметил: «Политика здесь допускается только патриотическая. На больших митингах, которые здесь опять появились после разгрома армии, зовут все спасать отечество. Но общее настроение упадочное и равнодушное – т. е. по наружному виду. Толпа народу целый день глазет за решетку Инженерного замка, где учатся и возятся наши амазонки (речь шла о женском батальоне. – А. А.). Дни займа свободы прошли не очень вяло. Но если правда, что нас могут спасти только героические усилия, то мы пропали. Я, однако же, в тайниках души думаю, что, может быть, Россию спасет просто сила инерции. Трудно разрушить такую махину. Немцы остановились, и если так продержится до осени, то мы спасены. Голодать будем, но к этому мы привыкаем постепенно» [10: 206].

Революционные события 1917 года вызывали у многих российских интеллектуалов ассоциации с Великой французской революцией. Не избежал этого соблазна и Г. П. Федотов, обратившись к собраниям Публичной библиотеки в летние месяцы после своего отпуска. «В библиотеке пустынно и прохладно, – писал он Татьяне Юлиановне 31 июля 1917 года. – Мои коллеги в отпуску, и никто мне не мешает наслаждаться испарениями веков, которые выдыхают книги.

Путешествую по старой Франции, перелистывая фолианты гравюр 30^х гг. Заглянул во французскую революцию и начал успокаиваться за Россию. Дикости и озверения там было больше» [10: 206]. Однако имевшаяся еще тогда надежда на то, что «эта власть с республикой могут уцелеть, если судьба избавит нас от новых катастроф», не оправдалась. Развитие событий после неудачного летнего наступления на фронте привело, в конечном счете, к падению правительства А. Ф. Керенского.

«Милая Таня, – писал Г. П. Федотов через неделю после захвата красногвардейцами и революционными солдатами и матросами Зимнего дворца, – с падением Керенского не осталось никаких надежд на сохранение республики. Мы отрезаны от России, слышим ужасы о Москве, но наши битвы были за городом, и город почти не пострадал. Живем в атмосфере сдержанного негодования и ждем, когда перестанут давать хлеб и свет» [10: 207–208].

И еще через неделю, 11 ноября: «Дорогая Таня! Сейчас получил твое письмо с описанием саратовских ужасов. Мы не пережили здесь и десятой доли ваших впечатлений. Просто потому, что в большом городе все события рассеиваются в пространстве. Я, например, не слышал ни одного выстрела во время бомбардировки Зимнего дворца и Владимирского училища. Духовное состояние было ужасное. Рухнули последние надежды на сохранение России, республики, чести. Целую неделю ждали избавления от Керенского, от ставки, потом от Каледина. Никто не двинулся. Теперь судьба России в руках авантюристов, шпииков и бывших охранников. То же, что в доброе распутинское время. Нужно сказать только правду, что рабочие массы переживают это серьезно. Для них тут социальная революция, то есть начало земного рая. Как ужасно будет разочарование! Уже сейчас закрылось большинство (говорят) заводов в Петрограде. Хлеба дают $\frac{3}{4}$ фунта на два дня, а скоро...

Насилий над личностью немного. Грабежи сильно сократились первое время, и мы имеем образец “революционного порядка”. Но сейчас опять грабят на улицах среди белого дня. Но не это главное. Сепаратный мир становится фактом, а этого позора никто не смоят с истории России» [10: 208].

Приход к власти «ленинцев» и их желание заключить сепаратный мир с Германией Г. П. Федотов воспринял как национальную катастрофу, которая завершится полным распадом российской государственности, немецкой оккупацией и реставрацией капитализма. Поэтому, не отрекаясь от «интернационалистического мирозерцания», он указывал на значение «национальной политики» возрождения России в журнале «Свободные голоса» [3: 104–112], первый номер которого появился в апреле 1918 года и сразу же был запрещен советской цензурой.

Именно национально-патриотические устремления были определяющими при первоначальном осмыслении историком значения революции 1917 года после того, как он оказался в 1925 году в Париже. В своих первых статьях о судьбах России и русской интеллигенции, помещенных в евразийском издании «Версты» (1926), он в близком евразийцам духе ставил задачу преодоления разрушительных тенденций революции посредством «национального творчества» [4: 5–22]. Правда, в отличие от евразийцев Г. П. Федотов не был склонен видеть историческую причину разложения Российской империи, завершившегося революционной катастрофой, в петровских преобразованиях. Скорее, напротив, измена начатому Петром Великим делу просвещения и вырождение этого процесса в поверхностное просветительство утратившей связь с народом интеллигенции привели к катастрофическому обвалу.

Г. П. Федотов не считал революцию результатом сознательной деятельности политических партий. Она была порождением народной стихии, которая окончательно уничтожила интеллигенцию. Но Г. П. Федотов не соглашался примириться с необходимостью такого хода истории. Он видел иную возможность: «народ отрывается от исторической почвы, интеллигенция хранит религиозное сознание» [4: 62]. Этой возможностью предполагалось возрождение интеллигенции.

Так или иначе, но рассмотрение революционного процесса как распада Российской империи и государственности вело его к близкому евразийцам игнорированию какой бы то ни было роли февральских событий в революции, важнейшими для которой оказывались события октября. Именно они определяли смысл случившегося в стране, являясь завершением исторического нарратива о революционных потрясениях 1917 года.

Эту позицию он занимал и после того, как полностью разошелся с евразийцами на путях осмысления прошлого России и ее «пореволюционной» современности. В ряде статей, опубликованных в газете «Дни» и журнале «Современные записки» на рубеже 1920–1930-х годов и объединенных в книгу «И есть, и будет» (1932), посвященную анализу причин развала Российской империи, он рассматривал разложение скрепляющей ее системообразующей связи – «идеи царя, религиозной для народа и национальной для дворянства» [5: 8]. На первый план в книге выдвигался социальный аспект произошедшего на родине, который изучался на общем фоне освещающей его культуры. Такое определение исследовательских приоритетов вытекало из представления о том, что революция в России была социальной. Социальные группы выделялись Г. П. Федотовым не по совокупности внешних признаков, а путем выявления типичных психологических мотивов их

поведения, порождаемых условиями быта и потому объединяющих их представителей в сословия, классы и другие социальные образования (например, «новую демократию»). В результате процесс разложения социального организма Российской империи представлялся в виде нарратива, последовательно выводящего на первый план то одну, то другую социальную группу (дворянство, бюрократию, интеллигенцию и т. д.), скрепленную ментальной связью, которая постепенно разрушалась. Дополнительным осложняющим мотивом была «атония» дворянства, которая как гангрена разъедала здоровые ткани других социальных групп, способствуя их гибели. В заключительной части рассматривались сведенные воедино альтернативные возможности, которые не реализовались, что еще раз доказывало неизбежность революции.

Логика представления негативного аспекта революционной стихии – развала и разрушения старого – и желание найти хоть какие-нибудь творческие элементы в пореволюционной России вновь толкали Г. П. Федотова к достаточно скептическим оценкам февральских событий. Он был критичен в своих характеристиках Временного правительства, жившего «фикцией легальности». Желание «правительства демократии» легитимировать решение насущных вопросов, предоставив их рассмотрению Учредительному собранию, он оценивал как «правовой фетишизм» [5: 64], который привел в конечном счете к капитуляции перед большевиками. Такое федотовское обозначение целей и действий демократических лидеров вполне соответствовало его отречению от «кумиров старой России», среди которых в это время числились не только монархия и социализм, но и «формальная демократия» [5: 6]. Правда, и «партия национальной России», которую он отождествлял с офицерами «кадетского толка», поддержавшими выступление Л. Г. Корнилова, оказалась не на высоте. Направленное против «социалистического правительства Керенского» выступление не удалось, что свидетельствовало о бесперспективности «военной диктатуры, о которой мечтали офицерство и вся буржуазная Россия» [5: 64].

Если обратиться к общим характеристикам Г. П. Федотовым февральско-мартовских дней 1917 года в конце 1920-х и начале 1930-х годов, то легко заметить их окрашенность личным чувством, порожденным еще живыми воспоминаниями. «Тяжело и стыдно вспоминать, мучительно перечитывать речи 1917 года. Это горькое чувство стыда рождается из основного ощущения лжи – то есть несоответствия между словами и реальностями. ...Февраль и март были мобилизацией ополчения революционной армии, давно уже не имевшей актива. Мирным людям, культурным работникам приходилось перестраивать свой душевный лад, из забытых

недр памяти извлекать красные слова. Кое-кому удавалось опьянять себя фразой. Другие поддерживали бодрость, спешно перелистывая истории французской революции. Почти у всех кошки скребли на сердце. Странная это была революция, где революционерам приходилось тушить, а не раздувать ее» [5: 63].

Существенное изменение в аспектах восприятия, а следовательно, и в оценках Февраля, который превращался из прошлой пережитой реальности в символ, определяющий действия в будущем, заметно в небольшой по объему, но очень емкой по содержанию статье, опубликованной в год двадцатилетия революционных событий 1917 года. Среди причин, обусловивших это изменение, можно назвать, прежде всего, крупные социально-политические события первой половины 1930-х годов. Ими были, во-первых, порождавшие тревогу за будущее и создававшие новую перспективу видения прошлого национализация революции и утверждение «сталинокрапии» в Советской России, а также приход национал-социалистов к власти в Германии, означавшие для историка расширение и усиление попирающих человеческую свободу тоталитарных режимов в Европе, первым из которых был итальянский фашизм [6: 18–37, 289–303]. Во-вторых, возникновение русского фашизма в среде российских эмигрантов, ставшее следствием слияния национально-патриотических устремлений эмигрантской молодежи с антибольшевистским активизмом, что вызывало неприязнь Г. П. Федотова [6: 206–220]. Помимо этого следует отметить важные изменения в его мировоззрении. Прежде всего, это выработка Г. П. Федотовым в результате изучения истории древнерусской святости [8] и народной религиозности [6: 81–205] основ для культурно-исторической идентичности российских эмигрантов, а значит, и своей собственной. А также неразрывно с этим связанное оформление идеологии христианского социализма [4: 234–247] (или «персоналистического социализма», как вслед за Н. А. Бердяевым называл его историк). Наконец, думается, что не следует игнорировать и чисто личностный момент – знакомство Георгия Петровича с А. Ф. Керенским, положившее начало его активному сотрудничеству в издаваемом бывшим главой Временного правительства журнале «Новая Россия».

«Февраль и октябрь» (1937) – так назвал свою помещенную в этом журнале статью Г. П. Федотов, стремившийся по-новому осмыслить отношения между этим двумя стадиями революции. С социологической и исторической точек зрения они по-прежнему выглядели для него как неразрывные звенья единой цепи революционного процесса. Однако обращение к сознанию групп, возглавлявших борющиеся классы, позволило историку не только разорвать, но и противопоставить эти два периода. С точки зрения

моральной, «февраль не только не породил октября в этом смысле (в утверждении имморализма в политике. – А. А.), но в противостоянии ему нашел себя» [7: 76]. Вынесение духовной генеалогии лидеров Февральской революции за рамки освободительной традиции революционной интеллигенции создавало для Г. П. Федотова такую перспективу, которая позволяла увидеть в ее основании «забытые, но еще живые заветы русского деятельного христианства, прошедшие сквозь разум западноевропейского, тоже христианского гуманизма» [7: 76]. В результате Февраль превращался в символ гуманизма, деятельного, социального христианства и, конечно же, Свободы (именно так, с большой буквы!), а случайные детали «демократических программ», «полу-якобинская, полу-марксистская фразеология, неуверенная тактика» предавались забвению.

Вновь к теме Февраля Георгий Петрович обратился в 1950 году, находясь уже в США, куда перебрался вскоре после оккупации Франции немецкими войсками. По просьбе сына своего давнего друга С. Л. Франка – Виктора Семеновича, назначенного на лондонском радио Би-би-си заведующим русским отделом, Г. П. Федотов подготовил «скрипт» для эфира. Тем самым он мог не только выразить свое отношение к давно произошедшему, но и оказать определенную материальную помощь своей жене, которая не смогла приспособиться к жизни в Америке и вернулась в Париж. Плату за написанный текст (9 гиней, или около 36–40 долларов) нельзя было перевести в США, но ее могла получить жившая во Франции Елена Николаевна!

Однако понятно, что не это было тем главным обстоятельством, которым определялся характер текста беседы и его оценок. Беседа должна была выразить полное неприятие автором большевистского правления в СССР, еще больше обостренное в послевоенный период тем, что некоторые из близких Г. П. Федотову в парижский период его жизни друзей (прежде всего Н. А. Бердяев, с которым Георгий Петрович вел непримиримую полемику по этому вопросу [9: 194–209]) приветствовали освободительную миссию советской армии в Европе. В ней историк видел лишь распространение режима сталинокрапии на восточноевропейские страны. Именно этим обуславливался ярко выраженный пропагандистский характер выступления, в котором анализ исторических реалий практически не оставалось места. Помимо этого на стиль изложения материала повлияли советы В. С. Франка, которыми тот сопровождал свою просьбу к одному из «выдающихся представителей русского зарубежья» о подготовке текста. Достаточно низкий уровень слушателей и невозможность, как при чтении напечатанного текста, возвращаться к уже прочитанному обуславливали, по мнению В. С. Франка, желательность «упрощенного синтаксиса»

и «повторения (repetitiveness)» основных мыслей. В идейном плане он предоставлял Г. П. Федотову полную свободу, предупредив, что «нашим авторам разрешается максимально резкая критика советского строя, но возбраняется любой призыв к действию»².

В результате получился короткий «скрипт», который трижды прозвучал на волнах Би-би-си 14 и 15 марта 1950 года³. Его основной идеей стало признание Февральской революции событием, давшим России «хоть на короткое время» свободу. Февралю противопоставлялся Октябрь, положивший начало уничтожению этой свободы. Временное правительство характеризовалось как сформированное «по соглашению Государственной думы и Петроградского совета рабочих депутатов» из людей, известных «всей России своей неподкупностью, честностью и преданностью народной свободе», а Учредительное собрание, избранное на основе «действительно демократического закона о выборах», – как подлинно легитимный орган, призванный решить насущные проблемы, стоявшие перед страной. Главной причиной неудачи Февральской революции называлась война, которой воспользовались большевики, вносящие «смуту в ум народа». Им удалось обмануть «еще не просвещенные и в большинстве неграмотные» народные массы, уставшие от войны, лозунгами «мира, хлеба и свободы». Ни один из этих лозунгов не был претворен в жизнь большевиками. Особенно Г. П. Федотов подчеркивал значение последнего из них: «Люди начали понимать, что без свободы нельзя по-настоящему иметь и хлеба, нельзя иметь и мир. И не может быть только свобода для себя, для своей партии, для своего класса. Свобода может быть для всех или ни для кого. И вот в той смертной тоске, в которой живут сейчас русские люди, они начинают вспоминать о забытом Феврале»⁴.

Таким образом, в формировании и эволюции представлений Г. П. Федотова о Февральской революции отчетливо прослеживается несколько этапов. Непосредственное восприятие революционных событий 1917 года, зафиксированное в его корреспонденции, носило явно выраженный ситуационный характер и эмоционально окрашивалось переходами от надежд к опасениям, которые в конечном итоге сбылись. Как социалист-оборонец, историк интуитивно чувствовал, что разрушительный период революции должен был завершиться с падением самодержавия, что определяло его негативное отношение к деятельности «ленинцев», захвативших в конечном сче-

те власть. Признавая произошедшее в октябре 1917 года национальной катастрофой, Г. П. Федотов считал необходимым противостоять ее негативным последствиям, формулируя задачи национально-патриотического возрождения страны. Однако возможность для свободного высказывания своих представлений о желательных перспективах революции у него появилась только после эмиграции во Францию. Здесь на рубеже 1920–1930-х годов он сформулировал собственный взгляд на причины, характер и последствия случившегося на родине и программу необходимых преобразований в России в рамках «пореволюционной идеологии», противопоставляемой большевизму, но исходившей из признания революции как свершившегося факта. Этим определялось игнорирование значения Февральской революции. Она не могла иметь самостоятельного значения, являясь лишь эпизодом в разрушительном революционном процессе, приведем к власти большевиков. Представляя этот процесс как изменение социальной реальности, историк считал вполне возможным включить в ее характеристику собственные впечатления, которые должны были усилить его аргументацию латентным указанием на положение очевидца и участника событий. Последние аргументы утратили свою силу, когда Г. П. Федотов под влиянием целого ряда экзогенных по отношению к пониманию значения российской революции факторов изменил свою точку зрения примерно в середине 1930-х годов. Символический смысл революции, который теперь необходимо было раскрыть, менял не только представления об осмысливаемом феномене, в котором на первый план выдвигались не социальные, а идеологические и нравственные аспекты, но и его значение. Борьба за свободу (в том числе и формальную) в условиях нарастающей угрозы тоталитарных режимов в преддверии Второй мировой войны определяла восприятие Февраля как одного из символов этой борьбы в прошлом. Поэтому непосредственное восприятие историком происшедшего в 1917 году в российской столице утрачивало характер аргумента, а непосредственность собственной пропагандистской деятельности предавалась забвению. Такое изменение вело в конечном итоге к превращению оценок революции в открытую пропаганду собственных политических взглядов в изменившихся условиях, что и произошло в итоговом «скрипте» Г. П. Федотова, представившем советским слушателям обоснование необходимости возрождения гражданских свобод в СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письмо Г. П. Федотова жене от 1 марта 1950 г. // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University (далее – BAR). Ms. Coll. Georgii Petrovich Fedotov. Box 2. Folder: Letters of George Fedotov to His Wife, 1950.

² Письмо В. С. Франка Г. П. Федотову от 10 февраля 1950 г. // BAR. Ms. Coll. Georgii Petrovich Fedotov. Box 3. Folder: Incoming correspondence. V. Frank.

³ Письмо В. С. Франка Г. П. Федотову от 15 марта 1950 г. // BAR. Ms. Coll. Georgii Petrovich Fedotov. Box 3. Folder: Incoming correspondence. V. Frank.

⁴ Федотов Г. П. Годовщина Февраля // BAR. Ms. Coll. Georgii Petrovich Fedotov. Box 4. Folder: Manuscripts. Articles and Books. «Godovshchina Fevralia».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаман Л. А. Некоторые аспекты интерпретации Г. П. Федотовым русской революции 1917 года // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 1. С. 69–75.
2. Гаман Л. А. Советская история в изображении Г. П. Федотова: к постановке вопроса // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308. № 3. С. 213–218.
3. Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 1. М.: Мартис: Sam&Sam, 1996. 349 с.
4. Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 4. М.: Sam&Sam, 2012. 480 с.
5. Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 5. М.: Sam&Sam, 2011. 424 с.
6. Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 6. М.: Sam&Sam, 2013. 504 с.
7. Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 7. М.: Sam&Sam, 2014. 488 с.
8. Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 8. М.: Мартис: Sam&Sam, 2000. 268 с.
9. Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 9. М.: Sam&Sam, 2004. 383 с.
10. Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 12. М.: Sam&Sam, 2008. 504 с.
11. Федотова Е. Н. Георгий Петрович Федотов (1886–1951) // Федотов Г. П. Лицо России. Статьи 1918–1930. 2-е изд-е. Paris: YMCA-Press, 1988. С. I–XXXIV.

Antoshchenko A. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

GEORGE FEDOTOV'S REFLECTIONS ON THE FEBRUARY REVOLUTION IN RUSSIA

The article discusses the process of historicizing perception of the 1917 Russian February Revolution by the eminent émigré historian who was an eyewitness and a participant of the revolutionary events unravelling back then in the Russian capital. Situational and fragmentary evidences, which were preserved in his letters of the time, became the basis for the historical narrative, which represented the revolution in focus as a spontaneous process of *ancient regime* destruction, ended by the Bolsheviks *coup d'État*. Therefore, the history represented in such a manner had no place for the February events as a phenomenon of particular importance. It was a search of the historian for a symbolic meaning of the February Revolution that turned it into a sign of the struggle for freedom. Ultimately, the interpretation of the revolutionary events became George Fedotov's tool for the ideological struggle against Bolshevism and his advocacy for the revival of civil liberties in the Soviet Union. The latter circumstance allowed the author to conclude that the historian-emigrant constructed his latest historical representations for some political purposes.

Key words: George Fedotov, February revolution in Russia, Stalinism

REFERENCES

1. G a m a n L. A. Some aspects of the interpretation of the Russian Revolution in 1917 by George Fedotov [Nekotorye aspekty interpretatsii G. P. Fedotovym russkoy revolyutsii 1917 goda]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2006. № 1. P. 69–75.
2. G a m a n L. A. Soviet history depicted by George Fedotov: on the issue of the question [Sovetskaya istoriya v izobrazhenii G. P. Fedotova: k postanovke voprosa]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 2005. Vol. 308. № 3. P. 213–218.
3. Fedotov G. P. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow, Martis, Sam&Sam Publ., 1996. 349 c.
4. Fedotov G. P. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Moscow, Sam&Sam Publ., 2012. 480 c.
5. Fedotov G. P. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow, Sam&Sam Publ., 2011. 424 c.
6. Fedotov G. P. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow, Sam&Sam Publ., 2013. 504 c.
7. Fedotov G. P. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 7. Moscow, Sam&Sam Publ., 2014. 488 c.
8. Fedotov G. P. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 8. Moscow, Martis: Sam&Sam Publ., 2000. 268 c.
9. Fedotov G. P. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 9. Moscow, Sam&Sam Publ., 2004. 383 c.
10. Fedotov G. P. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 12. Moscow, Sam&Sam Publ., 2008. 504 c.
11. Fedotova E. N. Georgii Petrovich Fedotov (1886–1951) [Georgii Petrovich Fedotov (1886–1951)]. *Fedotov G. P. Litsa Rossii*. 2^d ed. Paris, YMCA-Press Publ., 1988. P. I–XXXIV.

Поступила в редакцию 27.01.2017